

СОВРЕМЕННАЯ МИР-ЭКОНОМИКА И ТЕОРИЯ НЕОИМПЕРАЛИЗМА

Мысли твои о финансах основаны на чтении иностранных книг да на английских журналах, а потому суть мертвые мысли. Стыдно тебе, будучи умным человеком, не войти до сих пор в собственный ум свой, который мог бы самобытно развиваться, а захлопотить его чужеземным навозом

Н.В. Гоголь

Постановка проблемы

Сегодня среди множества других вопросов крайне актуальны два: *что* представляет собой современная мировая политико-экономическая система, и *какая наука* охватывает своим предметом данное сложное структурное образование. Представляется, полных ответов на эти вопросы вряд ли можно дать особенно если учитывать то, чтобы любое высказанное мнение более или менее устраивало бы большинство изучающих данную проблематику. Вообще изучение, описание и оценка современной эпохи в разных ее ракурсах не совсем благодарное, хотя и благородное, архиважное занятие. Дело в том, что этот объект интересов большой политики и экономики, а, иначе говоря, большой власти, империи, является уделом наднациональной «избранной элиты». Но *не избранной, а назначенной*, не выделившейся своими способностями или востребованной в силу других обстоятельств в процессе общественно-профессиональной деятельности. Наука и ее слуги сегодня прагматичны, пронизанные также как и многое другое «денежной экономикой» и без спроса «потребителей» на ее результаты работать может лишь энтузиаст, патриот, либо чудак, хотя все это можно свести, если затронуты слишком большие интересы, к какому-то не совсем приятному определению, например, лжепатриоту, национал-патриоту, ультралевому, пр.

Есть еще один парадокс времени. Знание, чувство *государственного интереса*, понимание его механизма реализации в рамках влияния, скажем нейтрально, международных институтов, обычным людям и облеченным властью сегодня *мало кому присущи и приемлемы*. Особенно это касается населения, политиков, проживающих в странах постсоциалистического пространства, которым как-то быстро прижились идеи «мировых человеческих ценностей». И это в то время, когда усиливается дифференциация людей в мире не только по имущественному, но и неравенство по *другим* социально-экономическим признакам, обеспечивающим вместе с другими факторами рост международной напряженности, терроризм, ограничение человеческой свободы, неуверенность в будущем и его неопределенность. После распада социалистической системы мир, где, по сути, «большая политика» формировалась в зоне интересов двух империй¹, приобрел монополярный вид с явно выраженными чертами *нового империализма*. Это империализм не какой-то одной страны, хотя отдельные страны и регионы пытаются закрепить свое абсолютное господство в мире. Сейчас идет если и какая конкуренция, о чем пишут в неоклассических пособиях по экономике, то это конкуренция (столкновение - в перев.) *за новый передел мира*, за новое влияние в мире. Средства и методы применяются для этого от самых традиционных до более искусных, обусловленных развитием компьютерных и политических технологий. Это, если можно так сказать, функциональный империализм. Но понимание его возможно через

¹ С нашей точки зрения эти империи часто руководствовались абсолютно нерациональными стратегиями с различных точек зрения включая экономическую в узко утилитарном смысле к которой обращается неоклассика. Как свидетельствует история, начавшиеся события в мире между странами часто имели и имеют длительное продолжение по инерции, когда вступают в политическую игру личные амбиции политиков.

преодоление новых сложившихся мифов и догм, навязанных извне или придуманных самими политиками, гражданами, людьми от науки. Особую лепту в запутывание ясности о современном мире привносит глобализация.

Глобализация: реальность, виртуальность или миф?

Как показывает даже предварительный анализ, мифы всегда сопровождают научные исследования, чередуясь с разного рода идеями, гипотезами, концепциями. Глобализация здесь не является исключением. Скорее наоборот, потеря современной гуманитарной наукой своих классических оснований и признаков создает гносеологические условия для всевозможных мифов, очередных догм, выдумок. Понятие «глобализация» из этого же ряда, поскольку, во-первых, не самым лучшим образом фиксирует качественные и количественные изменения, произошедшие и происходящие в мир-системе. Во-вторых, уже на сегодняшний день этот термин накопил немало воображаемого или же желаемого. В-третьих, неточность определения данного явления порождает массу выводов, вытекающих из чисто конъюнктурных соображений то ли околонаучного, то ли политического характера. Причем многие наблюдения и выводы, которые делаются по данному направлению в массовом масштабе, нельзя ни доказать, ни опровергнуть. А это, как известно, то есть верифицируемость, свидетельствует о научности/ненаучности выдвигаемых выводов. Как в свое время, например, монополизация, империализм, НТР и пр., сегодня тема глобализации обсуждается не более как современная, но мировая проблема.

Однако кроме «модности» темы, которая всегда имеется в арсенале рефлексирующих интеллектуалов, нельзя не заметить парадокса «интерпретативной рациональности». Суть его состоит в том, что всякое неизвестное получает некую интерпретацию или объяснения у «специалистов», «авторитетов», после чего этот смысл принимается уже многими людьми. Но, как в свое время говорили классики, идея становится материальной силой, если она овладевает массами. Люди, желая не разочаровываться в своих суждениях или выводах, стараются следовать тому, что они себе представили и вообразили. В этом нет ничего странного и удивительного, поскольку идеальный образ рано или поздно должен предшествовать реальности. Усвоенные же нормы мышления, мировоззренческие конструкции выступают рамками практического поведения, которые уже можно контролировать и прогнозировать, отработывая варианты деятельности, например, политиков или масс, отдельных социальных групп. Глобализация вошла в разряд идеи мировой революции, которую вбросила в социальную среду часть научной мировой элиты, попавшей в структуру (явную и неявную) международных институтов. Она уже *подается и начинает пониматься как жестко детерминированная неизбежность, которой следует подчиняться другим государствам и народам (!)*. Содержательный аспект обсуждения глобализации позволяет с той или иной степенью погрешности предсказывать, какие действия на международной арене могут успешными или же встретят сопротивление. Поэтому все эти аспекты должны учитываться, отсекая от глобализации действительное в развитии мир-экономики, мир-системы от мифического и спекулятивного.

О мифах в двух словах

Первым мифом, проникшим глубоко в общественное сознание, можно считать утверждение о *всеобщем* характере глобализации, *качественно* изменившей современную мирохозяйственную систему. Сегодня можно наблюдать всего лишь очередной этап формирования мир-системы, в котором компьютерные технологии смогли обеспечить новую сеть – информационную. Но надо заметить, что сеть эта, не взирая на растущее

число пользователей Интернет, крайне усеченная. К тому же в ней информация достаточно структурированная с точки зрения доступа к ее различным базам данных. Новый метод коммуникации породил удивительное *сочетание правды и вымысла*, что само по себе подрывает доверие к данному источнику информации. А без этого, как известно, какая-то серьезная аналитическая деятельность теряет свою основу и перспективу для применения. О мир-экономике можно говорить в смысле взаимодействия целого и частей, т.е. региональных экономик, которые в какой-то степени могут оказать влияние на ее равновесие, жизнедеятельность, тенденции к развитию. Важный аспект раскрытия сущности глобализации заключается в поиске того, как она влияет реальное изменение поведения человека и взаимоотношений между другими хозяйствующими субъектами.

Миф второй - это представление о глобализации как *неизбежном* процессе, в котором происходит абсолютное влияние на *унификацию* и строго регламентированные *рамки* хозяйственных процессов. Безусловно, что пространство сокращается, видоизменяя свои формы, а время уплотняется под влиянием развития технологий и средств коммуникации. Однако, если оценивать *возможность* современного человека по отношению к своим *целям, желаниям*, то, пожалуй, эта величина остается более или менее неизменной. Глобализация «поражает» те сферы и регионы, которые уже имеют некоторую однородность зрелости развития и, следовательно, унификацию. Поскольку современный мир даже в некотором своем целостном образовании представлен крайне диспропорциональным и неравномерным уровнем развития, то также и глобализация по-разному воздействует на отдельные регионы, страны, сферы, хозяйствующих субъектов. Собственно, соответствовать или не соответствовать духу времени глобальных процессов является делом участников происходящих в мире социально-экономических процессов. Следует просто просчитывать выгоды и издержки от данного явления. Например, Республика Беларусь значительно меньше пострадала от финансового кризиса 1998 г. по элементарной причине – слабой интеграции в мировые финансовые структуры. Безусловно, международные институты и сообщества могут пытаться и пытаются установить единые стандарты поведения участников политико-экономических процессов. Но понимание причин и содержание этих процессов вполне может обеспечить в переговорных отношениях приоритет, мягко говоря, умнейшему, который создает страховочные защитные комплексы. Парадокс состоит в том, что исчезло в силу ряда обстоятельств государственное мышление, как у политиков, так и у населения многих стран¹. Поэтому ряд стран, а точнее представляющие их политики, даже и не просчитывают для своей державы ни издержек, ни выгод, а руководствуются лишь личными интересами, подписывая соглашения по участию в деятельности международных организаций. Особенно это относится к так называемым постсоциалистическим странам. В этом, впрочем, еще одно проявление глобализма. Патриотизм национальный заменяется патриотизмом корпоративным, коалиционным и клановым. Таким образом, третий миф – это словесная риторика о доминанте наднациональных интересов, которыми пытаются подменить национально-государственные интересы. Здесь следует разграничить действительно возникшие интересы мир-системы, обусловленные ее целостным образованием и глобальными проблемами от интересов национальных культур и экономик. Ведь оттого, что возникли монополии, не исчезла конкуренция. Она усложнилась, приобрела новые силы, проявления, формы, изменились ее последствия. На глобальном уровне возникла проблема *согласования национальных интересов* тех стран, которые хотя бы заявляют о своих мотивах и интересах. Очевидно, что как международный регламентирующий институт ООН перестала выполнять данную функцию. Но возникли другие международные институты, которые постулируют нормы и принципы, безо всякого

¹ Правильнее было бы говорить об изменении содержания национально-государственного мышления, а, следовательно, и политики.

обсуждения, навязывая их всем остальным странам как бы руководствуясь всеобщим интересом. В теоретическом отношении здесь обнаруживается ряд проблем. Первая – более или менее реалистичный это прогноз развития мир-экономики хотя бы на ближайшие два-три десятка лет. Не сценарий, которых сейчас немало предлагается, а именно прогноз на основе сложившихся тенденций. К сожалению, теоретического опыта здесь крайне мало, а наука геоэкономика лишь формирует свой предмет, методологические подходы, инструменты. Вторая проблема заключается в изменении закономерностей институционального устройства мировой социально-экономической системы, национальных институтов, определение механизма их экспорта-импорта и особенностей неконфликтного формирования, например, метаинститутов. Задача последних состоит в осуществлении самой реальной, впрочем, как и аналитической процедуры институциональной интеграции и динамики. Институциональная реконструкция позволит в целом снизить трансакционные издержки и увеличить общий полезный эффект за счет снятия национальных рамок. Но, мягко говоря, неразработка этого вопроса, как его незримость в настоящее время дает возможность этот вид издержек перекладывать на некоторые государства или регионы при извлечении глобальной ренты совершенно другими сторонами или группировками. Некоторым примером здесь может быть ситуация на западной границе Беларуси, которая в основном содержится за счет белорусского бюджета, но политико- и социально-экономическими результатами пользуется как мир справа, так и слева от нее.

Четвертый миф заключается в распространенном представлении о том, что глобализация, имея четко очерченные осмысленные контуры, кем-то (!) искусно управляется и координируется. Здесь, как говорится, на всякого мудреца довольно простоты. Есть онтологическая составляющая, которая внесла существенные изменения в причины, механизм и последствия эволюции технико-технологической, социально-экономической, природно-экологической и политической системы. Их устойчивая взаимосвязь предопределила то новое качество, которое лишило жесткой детерминированности в эволюции. «Случайные величины» приобрели доминирующее значение над жестко обозначенными линейными детерминантами развития. Та неопределенность, которая царит в современном мире, полностью подтверждает данное положение. Сейчас также можно наблюдать «накопление случайных величин», позволяющих ряду стран приобрести современную технико-экономическую базу для своего устойчивого развития в будущем. Они закладывают свой внутренний «порядок» из внешнего всеобщего «хаоса». Если сказать более четко, то речь идет о такой казалась бы далекой от экономики сферы как культура, но которая выступает и институциональным фундаментом и одновременно результатом человеческого хозяйствования. Если некая экономическая модель способствует накоплению культурных ценностей, традиций, то, безусловно, в долгосрочном периоде она тяготеет к относительно² устойчивому развитию. И наоборот. Правда, циклы эволюции культуры не совпадают с экономическими циклами. Однако, если абстрагироваться от того, что практически каждая страна представляет собой уникальную систему, объединяющую различного рода порядки, то можно выделить из них условно две принципиально отличающиеся модели: европейскую и американскую. Они наиболее изучены и сегодня выступают неким образцом для многих других стран. Они отличаются друг от друга приоритетом ценностей. В первой, европейской вещь выступает целью, а деньги средством. Американская модель ориентирует, прежде всего, на деньги, а потом на вещи. Ни в одной из моделей нет жизни, как цели хозяйствования. А ведь у А. Смита как у классика есть положение о преимуществе той системы страны, которая обеспечивает рост ее населения.

² Абсолютное устойчивое развитие невозможно по причине техногенных катастроф, порожденных индустриальным способом производства. Долгосрочное устойчивое развитие предполагает не только учет интересов будущих поколений, но и равномерное развитие регионов, стран.

Но не следует забывать о России, Китае, Индии, других странах, наконец, Беларуси,³ где с разной степенью эффективности функционируют специфические модели хозяйствования. Пока еще никто не объяснил, почему импорт капитала в большинство стран не торжествует так, как на Западе⁴. Но ответ скрывается за тем приоритетом ценностей, которым отдают предпочтение народы этих государств. Например, деньги, эгоизм, индивидуализм никак не входят в группу международных ценностей ни россиян, ни белорусов. Более того, возник *конфликт* между возрождаемыми религиозными ценностями в этих странах, которые отрицают рыночное стяжательство и частную собственность, с теми рыночными ориентирами, которые внедряются в процессе проведения современной рыночной реформы. Правильнее было бы сказать о насаждении в постсоциалистические страны и так называемые развивающиеся страны норм поведения «чистого» экономизма. Результаты, мягко говоря, реформирования без учета национально-исторических особенностей далеки от тех ожиданий и даже от тех экономических показателей, от которых отталкивались в начале первых, но далеких от завершения преобразований. Если обратиться к статистическим данным, то окажется, что падение экономических показателей, например, в молодых реформируемых, сопровождается их улучшением в странах развитых. Здесь ничего удивительного нет, поскольку предполагаемые международными организациями правила игры, сопровождаемые институциональным закреплением закладывают основу для *неравной конкурентоспособности стран* и их производителей. Следствием этого выступает возникновение теневого сектора и периферийного капитализма.

Наконец, *мифический парадокс* наблюдается в результатах глобализации. С одной стороны, мир-экономика приобрела некое целостное образование. Однако с другой – как страны, так и народности, ТНК и фирмы ощутили отчужденность друг от друга и неопределенность своего существования. Еще больше обособление, социальную депрессию и утерю смысла бытия почувствовал современный человек. Рост количества психоаналитиков является своеобразной реакцией на увеличивающееся количество психических заболеваний. Крайне тревожит симптом, если учесть возрастающее значение сектора новой экономики и, следовательно, человеческого фактора, человеческого капитала.

Старый смысл и контуры нового империализма

Для чего же в конечном счете создается новая империя? Ведь как много риторики было и есть о свободе, о независимой честной конкуренции, о правах человека, что по существу легло в основу разрушения «своей» империи СССР самими гражданами этой страны. Это, пожалуй, новое в истории свержений и разрушения империй. Мы не будем будоражить мысль о том, насколько лучше/хуже чувствуют себя люди бывшей империи, ибо мнение здесь могут разделиться. Но фактом несомненным является то, что жители почти всех постсоциалистических держав может и не абсолютно, а *относительно других стран* стали воспринимать свое прошлое, настоящее и будущее не просто хуже, а более неопределенно. Это еще более дестабилизирует обстановку и делает *будущее менее предсказуемым*. Следовательно, неоклассическая теория, ориентирующаяся на тренды как на главный инструментальный анализа и прогноза, в этой ситуации оказывается беспомощной и, таким образом, даже не теорией.

Любая империя стремилась создать определенный механизм изъятия *глобальной ренты*. Иначе говоря, глобальная рента – это именно тот вид сверхдохода, ради которого образуется то, что называется империей с ее имперским духом, идеологией и

³ Следует особой строкой выделять и японскую социально-экономическую систему, о которой написано немало книг, но никому не удалось использовать у себя в странах.

⁴ Эрнандо де Сото. Загадка капитала. Почему капитализм торжествует на Западе и терпит неудачу в других странах. М., 2002.

соответствующими инструментами изъятия данного дохода. Речь идет о перераспределении прибавочного продукта, создаваемого на всей территории мировой системы. Военная империя, например, обеспечивала такое перераспределение через прямое изъятие собственности, контрибуции, специальные военные подряды, повинности, налоги и пр.

Если временно абстрагироваться от чистого любопытства человека к современному динамично меняющемуся миру, то с прагматической точки зрения источники дохода, его формы и механизмы присвоения, распределения и перераспределения, потоки доходов и налоги на них всегда представлялись и представляются поныне самыми актуальными проблемами. Например, период меркантилизма и ростовщичества обострял понимание периоды денег, торговли и соответствующих доходов. В свою очередь эпоха активного земледелия выдвинула ренту в качестве центральной категории для физиократов. Промышленный капитал уже прибыль делает самой обсуждаемой проблемой. Но если в той или иной степени с земельной рентой, равно как и с прибылью, добываемой и присваиваемой производительным капиталом, смирились и согласились, зафиксировав это в теории Парето-оптимумом и другими равновесными категориями, то доходы и их формы современной эпохи для многих представляют для многих не только умозрительную загадку, но и реальный практический интерес. Чем, например, объяснить и какими экономическими законами, а также как смириться с тем фактом, что, если в 1820 г. разрыв между богатыми и бедными составлял 3:1, в 1992 г. – 72:1, а к началу нового века уже 80:1? Долго ли согласятся жить и смогут ли вообще выжить более 2 млрд жителей планеты на 1 долл в день и как это выглядит с точки зрения известных законов равновесия?

Таким образом, проблема дохода в современных условиях сместилась с уровня внутригосударственного, внутринационального в плоскость даже не межгосударственного, а в большей степени в область *деятельности наднациональных институтов*. Суть проблемы состоит в том, что в разные исторические эпохи, разные институты (формальные и неформальные), устанавливая определенные рамки и ограничения, поведения и мотивы, создавали и конкретные механизмы по извлечению доходов и их распределению. В последних же реализовывался более или менее компромиссный общенациональный экономический интерес как противоречивое единство интересов основных слоев, классов, социальных групп. Но *раскрытие природы и источников современных доходов наталкивается на мифологизацию глобализации* как современного явления.

Империя монополий «уплотнила» и вывела империю на преимущественно экономические формы изъятия и перераспределения глобальной ренты. Но, безусловно, при политической поддержке власти. Монополию могли критиковать экономисты, но никогда не политика и политики. Последним и монополиям всегда легче найти согласие, чем мелким предпринимателям. К тому же законы «писались» и «пишутся» так, что монополии в последующем всегда или почти всегда реализовывали свой монополистический интерес. Здесь мы сделаем не свойственную для современной эпохи критики монополий оговорку. В политико-монополистическом альянсе достигался и достигается синергетический эффект, способствующий росту общественной производительной силы труда. В переводе на язык институциональной экономики можно говорить о формировании социального капитала, снижающего транзакционные издержки, *которые всегда* в конечном счете сопровождают *конкуренцию*. Превышение суммарной величины этого вида издержек по защите и удержанию имперского хозяйства над социально-экономическим эффектом в конечном счете подводил к тому, что империя начинала разрушаться. В данном случае еще имело значение на *кого* возлагались транзакционные издержки и *как* распределялся получаемый доход.

Итак, *глобальная рента* – это часть необходимого и прибавочного продукта, доля добавленной стоимости, извлекаемых через неравные институциональные возможности,

опосредованные в том числе асимметричностью информации политико-экономическими, организационными и социальными акторами в рамках и правилах, определяемых международными институтами. На этапе формирования мирового рынка глобальную ренту извлекали политико-экономические альянсы в рамках закрепившегося международного разделения труда, специализации и кооперации. Этот политико-экономический эффект был все же следствием минимизации транзакционных издержек на международном уровне. Следовательно, в доходах от международной кооперации кроме рентного была часть дохода экономически оправданного, признаваемого и выгодного всему обществу. Войны между странами, характерные особенно в период образования монополистического капитализма, можно объяснить именно таким видом борьбы за глобальную ренту. Расходы на военные нужды, таким образом, есть не что иное, как вид транзакционных издержек при перераспределении прав собственности и ее защите. Эти издержки чаще всего превышали общий полезный эффект от международной специализации и кооперации. Величина присваиваемой одной или группой стран ренты не соотносилась с размером транзакционных издержек, которые несли страна/страны, проигравшие в борьбе за этот вид дохода.

Сегодня стремление стран Европы войти под «защиту» соответствующего союза, включая военный, также объяснимо с точки зрения желания извлечь ренту при изменении мирового экономического порядка без усиления экономической активности и «напряжения» своих хозяйствующих субъектов. Показательно то, что от конкуренции капиталов через конкуренцию стран в настоящее время осуществляется переход к конкуренции блоков, союзов, альянсов, корпораций. Речь идет о *конкуренции институтов наднационального уровня*². Здесь сообщество постиндустриальных стран играет ведущую роль, без согласия которых и без их поддержки ни одна страна не может изменить свое положение³. Примеров здесь можно привести немало, когда не только применяются меры политико-экономического, но и военного воздействия к странам, имеющим собственное представление о своих экономических моделях, нормах справедливости и морали.

Присвоение глобальной ренты на первом этапе формирования мировой экономической системы и в последующем осуществлялось также через «ножницы цен». Сырье, ресурсы одних стран покупаются по низким ценам, а готовые товары массового потребления продавались и продаются по завышенным ценам. Почему-то никто не говорит о дискриминации в ценах и тем более регулирование цен со стороны национальных институтов явно не приветствуется по причине «следования некой либеральной доктрине или традиции». Например, России запрещают продавать энергоносители по рентабельным, но более низким ценам для своих потребителей лишь по той причине, что цены на эти товары в Европе в два раза выше. Беларусь также получала неоднократно эмбарго на продажу ряда товаров за рубеж без всяких серьезных обоснований. Таможенные пошлины из инструментов целесообразной экономической политики превратились в «игру» во внешнеэкономической деятельности, демонстрирующей ловкость игрока и его спекулятивную мотивацию. Но как «ножницы цен», так и манипулирование таможенными пошлинами с точки зрения институциональной экономики свидетельствуют всего лишь о несовершенстве рыночной инфраструктуры и о *рентности* таким образом извлекаемых доходов.

Рентные сверхдоходы извлекались также через золото и другие благородные металлы, выполнявшие *функцию мировых денег*. Особенно здесь преуспевали страны,

² В этой связи еще раз можно вспомнить о «теоретической значимости» неоклассики, выдвигающей конкуренцию как исходный принцип рынка.

³ О правомерности такого экономического порядка как-то не принято задавать вопросы «традиционным» экономистам, но все же уместно конструировать хотя бы идеально альтернативные порядки устройства современного мира. Если опять-таки обратиться к А. Смиту, то он реализацию эгоистического интереса и максимизацию часто повторяемой полезности связывал экономически и нравственно прежде всего с представлением благ и услуг другим субъектам хозяйствования. Речь идет о сложной утилитарной норме поведения.

имеющие богатые месторождения этих благородных металлов с высокой производительностью их добычи. При высокой стоимости благородных металлов в целом, страны, имевшие низкие затраты на их добычу и производство, получали и получают рентный доход и потребителя и производителя.

Развитие монополий и фиктивных форм капитала *усилили скрытость* глобальной ренты, но одновременно сделали ее относительно постоянной, более «изысканной», «законной» и *оправданной* (признаваемой) для масс. Но еще никто не подсчитал *всех* затрат *всех* акционеров по приобретению ими «ценных» бумаг с учетом их котировки и полученных доходов. Думается, здесь будет отрицательная величина, поскольку именно на амплитуде курсов акций и держится, «работает» рынок ценных бумаг. Только одни теряют, а другие «находят», заблаговременно позаботившись о страховочных комбинациях. Образование банков и целостной *банковской системы* позволили этим институтам через каждую транзакцию, включающую и международные, перераспределять добавленную стоимость, производимую мировым сообществом. Фиктивный капитал породил «финансовый пузырь», то есть виртуальную экономику, а вместе с ними и *фиктивные доходы*, включающие международные рентные доходы⁴.

Институт частной собственности, защищенный национально-государственным суверенитетом, позволил и продолжает создавать условия для извлечения природной ренты в широком смысле слова. Парадокс в том, что данная *суперрента* от «земли» (globe) расточительно транжируется «праздным классом», экономическая и социальная целесообразность которого крайне сомнительна. Но еще большую озабоченность с точки зрения возникших *глобальных проблем* вызывают те *нормы морали и образцы поведения, которые привнесены этим классом для подражания* и считающиеся, критерием человеческого успеха. Но стремление за глобальной рентой даже в традиционных формах разрушает природу техногенными нагрузками. В свою очередь простые утилитарные нормы рынка разрушают то, что можно назвать *социальным капиталом*.

Глобальный империализм: от явления к сущности

Потеря современной гуманитарной наукой своих классических оснований и признаков создает гносеологические условия для всевозможных мифов, очередных догм, выдумок относительно глобализации. Понятие «глобализация», во-первых, не самым лучшим образом фиксирует качественные и количественные изменения, произошедшие и происходящие в мир-системе. Во-вторых, уже на сегодняшний день этот термин накопил немало вообразяемого или же желаемого. В-третьих, неточность определения данного явления порождает массу выводов, вытекающих из чисто конъюнктурных соображений то ли околонучного, то ли политического характера. Причем многие наблюдения и выводы, которые делаются по данному направлению в массовом масштабе, нельзя ни доказать, ни опровергнуть.

Однако кроме «модности» темы, которая всегда имеется в арсенале рефлексующих интеллектуалов, нельзя не заметить парадокса «интерпретативной рациональности». Суть его состоит в том, что всякое неизвестное получает некую интерпретацию или объяснения у «специалистов», «авторитетов», после чего этот смысл принимается уже многими людьми. Но идея становится материальной силой, если она овладевает массами. Люди, желая не разочаровываться в своих суждениях или выводах, *стремятся следовать тому, что они себе представили и вообразили*, что им внушили. Усвоенные же нормы мышления, мировоззренческие конструкции выступают рамками практического поведения, которые уже можно контролировать и прогнозировать, отработывая варианты деятельности, например, политиков или масс, отдельных

⁴ Таможенные пошлины являются одним из механизмов извлечения подобного рода доходов. Еще мы хотим обратить внимание на утерю инновационно-производительной мотивации современного бизнеса. Последний больше «предпринимает», чтобы не создать что-то, а перераспределить или выступить посредником.

социальных групп. Глобализация, войдя в разряд идеи мировой революции, *подается и начинает пониматься как жестко детерминированная неизбежность, которой следует подчиняться другим государствам и народам (!)*. Поэтому содержательный аспект глобализации еще на этапе обсуждения позволяет с той или иной степенью погрешности предсказывать, *какие действия на международной арене могут успешными или же встретят сопротивление*. Поэтому все эти аспекты должны учитываться, отсекая от глобализации действительное в развитии мир-экономики, мир-системы от мифического и спекулятивного, задающего *неустойчивые и хаотические* основы его развития. Как мы уже отметили выше, миф и мифы выступают как в древнейшие времена новым познавательным началом [1].

Сегодня можно наблюдать всего лишь очередной этап формирования мир-системы, в котором компьютерные технологии смогли обеспечить новую сеть – информационную. Но надо заметить, что сеть эта, не взирая на растущее число пользователей Интернет, крайне усеченная. К тому же в ней информация достаточно структурированная с точки зрения доступа к ее различным базам данных. Новый метод коммуникации породил удивительное *сочетание правды и вымысла*, что само по себе подрывает доверие к данному источнику информации. А без этого, как известно, какая-то серьезная аналитическая деятельность теряет свою основу и перспективу для применения. О мир-экономике можно говорить в смысле взаимодействия целого и частей, т.е. региональных экономик, которые в какой-то степени могут оказать влияние на ее равновесие, жизнедеятельность, тенденции к развитию. Важный аспект *раскрытия сущности глобализации* заключается в поиске того, как она влияет реальное изменение поведения человека и взаимоотношений между другими хозяйствующими субъектами.

Представление о глобализации *как неизбежном* процессе оказывает влияние на *унификацию* и строго регламентированные *рамки* хозяйственных процессов. Безусловно, что пространство сокращается, видоизменяя свои формы, а время уплотняется под влиянием развития технологий и средств коммуникации. Однако, если оценивать *возможность* современного человека по отношению к *своим целям, желаниям*, то, пожалуй, эта величина остается более или менее неизменной. Глобализация «поражает» те сферы и регионы, которые уже имеют некоторую однородность зрелости развития и, следовательно, унификацию. Поскольку современный мир даже в некотором своем целостном образовании представлен *крайне диспропорциональным и неравномерным уровнем развития*, то также и глобализация по-разному воздействует на отдельные регионы, страны, сферы, хозяйствующих субъектов. Соответствовать или не соответствовать духу времени глобальных процессов является делом участников происходящих в мире социально-экономических процессов. Следует просчитывать выгоды и издержки от данного явления. Например, Республика Беларусь значительно меньше пострадала от финансового кризиса 1998 г. по элементарной причине – слабой интеграции в мировые финансовые структуры. Безусловно, международные институты и сообщества могут пытаться и пытаются установить единые стандарты поведения участников политико-экономических процессов. Но понимание причин и содержание этих процессов вполне может обеспечить в переговорных отношениях приоритет, мягко говоря, умнейшему, который создает страховочные защитные комплексы. Это при условии, что критерием принятия решения будет государственное мышление, которое размылось. Но ряд стран, а точнее представляющие их политики, даже и не просчитывают для своей державы ни издержек, ни выгод, а руководствуются лишь личными интересами, подписывая соглашения по участию в деятельности международных организаций. В этом, впрочем, еще одно проявление глобализма. Патриотизм национальный заменяется патриотизмом корпоративным, коалиционным и клановым. Словесная риторика о доминанте наднациональных интересов, которыми пытаются подменить национально-государственные интересы. Здесь следует разграничить действительно возникшие интересы мир-системы, обусловленные ее целостным образованием и глобальными

проблемами от интересов национальных культур и экономик. Ведь оттого, что возникли монополии, не исчезла конкуренция. Она усложнилась, приобрела новые силы, проявления, формы, изменились ее последствия. На глобальном уровне возникла проблема *согласования национальных интересов* тех стран, которые хотя бы заявляют о своих мотивах и интересах.

Очевидно, что как международный регламентирующий институт ООН перестала выполнять данную функцию. Но возникли другие международные институты, которые постулируют нормы и принципы, безо всякого обсуждения, навязывая их всем остальным странам как бы руководствуясь *всеобщим интересом*. В теоретическом отношении здесь обнаруживается ряд проблем. Первая – более или менее реалистичный это прогноз развития мир-экономики хотя бы на ближайшие два-три десятка лет. Вторая проблема заключается в изменении закономерностей институционального устройства мировой социально-экономической системы, национальных институтов, определение механизма их экспорта-импорта и особенностей неконфликтного формирования, например, *метаинститутов*. Задача последних состоит в осуществлении самой реальной, впрочем, как и аналитической процедуры институциональной интеграции и динамики. Институциональная реконструкция позволит в целом снизить транзакционные издержки и увеличить общий полезный эффект за счет снятия национальных рамок.

Есть онтологическая составляющая, которая внесла существенные изменения в причины, механизм и последствия эволюции технико-технологической, социально-экономической, природно-экологической и политической системы. Их устойчивая взаимосвязь предопределила то новое качество, которое лишило жесткой детерминированности в эволюции. «Случайные величины» приобрели доминирующее значение над жестко обозначенными линейными детерминантами развития. Та неопределенность, которая царит в современном мире, полностью подтверждает данное положение. Сейчас также можно наблюдать «накопление случайных величин», позволяющих ряду стран приобрести современную технико-экономическую базу для своего устойчивого развития в будущем. Они закладывают свой внутренний «порядок» из внешнего всеобщего «хаоса». Если сказать более четко, то речь идет о такой казалась бы далекой от экономики сферы как культура, но которая выступает и институциональным фундаментом и одновременно результатом человеческого хозяйствования. *Если некая экономическая модель способствует накоплению культурных ценностей, традиций, то, безусловно, в долгосрочном периоде она тяготеет к относительно⁵ устойчивому развитию. И наоборот. Правда, циклы эволюции культуры не совпадают с экономическими циклами.* Однако, если абстрагироваться от того, что практически каждая страна представляет собой уникальную систему, объединяющую различного рода порядки, то можно выделить из них условно две принципиально отличающиеся модели: европейскую и американскую. Они наиболее изучены и сегодня выступают неким образцом для многих других стран. Они отличаются друг от друга приоритетом ценностей. В первой, европейской вещь выступает целью, а деньги средством. Американская модель ориентирует, прежде всего, на деньги, а потом на вещи. Ни в одной из моделей нет *жизни, как цели хозяйствования*.

Но не следует забывать о России, Китае, Индии, других странах, наконец, Беларуси, где с разной степенью эффективности функционируют специфические модели хозяйствования. Пока еще никто не объяснил, почему импорт капитала в большинство стран не торжествует так, как на Западе⁶. Но ответ скрывается за тем приоритетом ценностей, которым отдают предпочтение народы этих государств. Например, деньги,

⁵ Абсолютное устойчивое развитие невозможно по причине техногенных катастроф, порожденных индустриальным способом производства. Долгосрочное устойчивое развитие предполагает не только учет интересов будущих поколений, но и равномерное развитие регионов, стран.

⁶ Эрнандо де Сото. Загадка капитала. Почему капитализм торжествует на Западе и терпит неудачу в других странах. М., 2002.

эгоизм, индивидуализм никак не входят в группу международных ценностей ни россиян, ни белорусов. Более того, возник *конфликт* между возрождаемыми религиозными ценностями в этих странах, которые отрицают рыночное стяжательство и частную собственность, с теми рыночными ориентирами, которые внедряются в процессе проведения современной рыночной реформы. Правильнее было бы сказать о насаждении в постсоциалистические страны и так называемые развивающиеся страны норм поведения «вульгарного» экономизма. Здесь ничего удивительного нет, поскольку предполагаемые международными организациями правила игры, сопровождаемые институциональным закреплением закладывают основу для *неравной конкурентоспособности стран* и их производителей. Следствием этого выступает возникновение теневого сектора и периферийного капитализма.

Что же касается результатов глобализации, то, с одной стороны, мир-экономика приобрела некое целостное образование. Однако с другой – как страны, так и народности, ТНК и фирмы ощутили отчужденность друг от друга и неопределенность своего существования. Еще больше обособление, социальную депрессию и утрату смысла бытия почувствовал современный человек. Рост количества психоаналитиков является своеобразной реакцией на увеличивающееся количество психических заболеваний. Крайне тревожит симптом, если учесть возрастающее значение сектора новой экономики и, следовательно, человеческого фактора, человеческого капитала. Американский психолог А. Маслоу так характеризует тип современного западного человека: «Каждый век, кроме нашего имел свой идеал. Все они были выдвинуты нашей культурой – святой, герой, джентльмен, рыцарь, мистик. А то, что предложили мы, - хорошо приспособленный человек – это очень бледная и сомнительная замена» [2, с.388]. Средний американец, как вытекает из его оценки, является одиноким человеком, у которого нет настоящего друга. Отсюда неспособность сопротивляться алкоголизму, наркотикам, преступности и вообще ничему.

Современные аспекты глобальной ренты

Дело даже не в том, что виртуальная финансовая экономика и накопленный государственный долг создали условия для мирового экономического неравновесия. Парадокс ситуации в том, что сама кризисность мира обеспечивает пока еще внушительную доходность финансовому капиталу, который проводит рискованные операции на фондовых и валютных рынках. И если в рамках мировой экономики с точки зрения создания национального богатства эти операции выступают всего лишь игрой с нулевой суммой, поскольку никакой общественной потребности такие "услуги" не создают, то для вольных или невольных участников финансовой игры результаты чередуются от проигрыша к выигрышу и наоборот. Как правило, создавая очередные правила игры, включая и изменения в необходимом направлении содержания экономической науки, "большие капиталы", начинают и выигрывают. Но ситуация на уровне глобальных финансов усложняется тем, что возрастает риск неуправляемости, неконтролируемости и, следовательно, *всеобщего экономического хаоса и очередного мирового кризиса*. Финансовый сектор, являясь порождением производственной деятельности человека, существенным образом пытается изменить мотивы поведения людей, заложить спекулятивные основы экономических интересов. «Когда расширение производственного капитала в стране становится побочным продуктом деятельности игорного дела, – пишет Дж. Кейнс, – трудно ожидать хороших результатов» [3, с. 224]. Люди-игроки всегда подозрительны по отношению друг к другу. Также поступают и страны, фирмы, банки, биржи, занимающиеся производством (!?) транзакционных издержек посредством финансовых операций и извлечением по существу *общественной ренты*.

Страны, специализирующиеся на денежно-финансовых операциях и высоких технологиях основательно обособились от стран производящих реальные блага. В свою очередь эти последние обособились от стран, поставляющих на мировой рынок сырье и дешевую рабочую силу. К началу XXI века сложилась ситуация, когда сообщество постиндустриальных стран уже не имеет полноценных конкурентов. По существу мировой рынок – это монополизированный рынок без конкурентов. Семь ведущих постиндустриальных держав обладают около 90% компьютерной техники, контролируют почти столько же зарегистрированных в мире патентов и обеспечивают более 90% высокотехнологичного производства.

Кроме того, что за последние полстолетия экономическое неравенство между странами и людьми резко увеличилось, возникла новая форма эксплуатации и неравенства – информационная, т.е. разноступенчатость стран и людей к достоверной (!) и научной (!) информации. С одной стороны, разные страны имеют существенно различную материально-программную подготовку и условия для участия в деятельности мировой информационной сети. А с другой – *глобальную ренту* можно получить лишь манипулируя сознанием и поведением всего активного человечества на информационном поле. Это то *новое "экономическое поле"*, которое уже освоено небольшой частью интеллектуальной, финансовой и политической элиты, не имеющей национальной принадлежности, но имеющей доминирующее влияние в мире.

Возникли, если использовать привычную терминологию, новый класс, сообщество, социальные группы и целые нации, которые умело используют всеми преимуществами нового информационного ресурса, распоряжаясь богатством, которое они не присвоили в ходе привычной эксплуатации, а скорее сами создали (познали, освоили) своей творческой деятельностью, не отняли силой в военных действиях, а придали ему социальную ценность и обрели его, соблюдая известные рыночные правила и демократические процедуры.

Парадоксально то, что рыночная система, функционирующая на принципах либеральных и демократических ценностей, осваивая в процессе развития новые ресурсы, технологии и формы отношений, создали экономическое пространство, *утверждающее свою противоположность поведения – неравенство, информационно-финансово-политический тоталитаризм, автократию*. Этика, которую в свое время преподавал А. Смит и нашедший эффективные и справедливые для своего времени экономические принципы реализации морально-нравственных идеалов, сегодня еще не освоила всей остроты возникшего нового противоречия и признает пока такую ситуацию нормальной. Как и в прошлые времена, натуральная рента заменилась барщиной, а последняя рентой денежной, так и *современные условия видоизменяют форму, источники, механизмы распределения глобальной ренты, субъектов ее присвоения*. Очевидным примером здесь может быть введение новой денежной единицы евро, которая явилась своеобразной реакцией стран Европы на сеньораж и перекачку в других формах с помощью долларизации своего производственного потенциала⁷. Ситуация здесь изменилась в направлении движения глобальной ренты, а также в том, что с помощью двух валют – доллара и евро – можно более эффективно и незаметно это делать: на повышение или же понижение. Один игрок, имея большую концентрацию этих двух валют или по сговору с другим игроком, *никогда* в таком случае не будут в проигрыше. Кто начинает, а начинают всегда держатели этих валют, тот и выигрывает. Обыватель, накопивший бумагу определенного номинала, ассоциируемого с воображаемым богатством и желая его как-то сохранить, а по возможности и приумножить, поставлен в рамки информационного

⁷ История международных валютных отношений может служить хорошим и наглядным уроком, как складывалась борьба ведущих стран защищать свою и извлекать по возможности из других стран добавленную стоимость и рентные доходы. Степень долларизации Беларуси на 2002 г. равнялась 5.8 % в то время, например, как в России, Польше соответственно 10 и 0.4 %. Оказывается «любовь» поляков к доллару значительно меньше, чем у других стран.

шантажа. Он мечется между этими двумя валютами в любом случае проигрывая на транзакционных операциях. «Фундаментальные аналитики» пока могут предложить ему (и себе в том числе) держать свои сбережения пропорционально в двух–трех валютах. Но даже по закону физики это означает, что если есть выигравшие, то есть и проигравшие. И дело здесь не столь в очевидном перераспределении мнимого богатства, имеющего возможность превратиться в реальное, а в *давлении* на иррациональные поступки хозяйствующих агентов, обращению к их инстинкту азартного игрока. Виртуальная экономика столкнулась в интересах с реальной экономикой, обеспечивающей жизнедеятельность человека. Последнюю кроме всего прочего крайне ограничили в выборе форм накопления богатства и производственно-экономического потенциала. Спекулятивная мотивация усилилась уже до размеров, угрожающих, по Кейнсу, основанию существования самого капитализма как явления. Это очередной парадокс, если не сказать *проявление всеобщего кризиса капитализма*.

Тему распределения и перераспределения экономической составляющей глобальной ренты через валютные отношения можно было бы продолжить. Но не она сейчас является главной, хотя и крайне значимой, если учесть усиление бедности при казалось бы (?) процветающем мире. Интересны также «изящные» и «научно обоснованные» формы перераспределения производимой стоимости и ценности в мире.

Специфической *формой ренты является и власть*. И если даже пока обратиться к политической власти, то уже почти никто не отрицает ее перераспределительной функции с уровня национально-государственного на международный. Но, уже являясь самым благом, целью, перенос центра тяжести властных отношений в наднациональные структуры предполагает и перенос возможностей извлечения *политической ренты мира*. «Небольшим» дополнением здесь может быть оговорка о международной политической ренте, размеры которой значительно увеличиваются, а возможности по ее извлечению и присвоению усиливаются. Официальные данные о содержании международных чиновников, а также примеры о коррупции на этом уровне могут служить небольшим примером, подтверждающим извлечение такого рода доходов. Но уже без обсуждения принимаются «законные» расходы на содержание международных институтов и обслуживающих их чиновников. Национальный бюрократизм дополнился бюрократизмом международным, пользу и вред которого вразумительно не может объяснить ни одна теория.

Близко к этой лежит проблема *информационного неравенства и информационной свободы*, позволяющих опережать «противника», хотя в рамках принятого соглашений все выглядят равными партнерами. Дело в том, информация сегодня выглядит и средством коммуникации и *стратегическим* ресурсом, позволяющим извлечь реальные экономические, политические и социальные преимущества, блага. Но одна из особенностей информации в том, что смысл ее частей, сведений получает свое полное завершение лишь в общем парадигмальном контексте. Поэтому, даже имея доступ (равный) к сведениям, оценить их полезность можно лишь в том случае, если аналитик или потребитель посвящен в общий замысел. Речь идет об эзотерическом знании. Отсутствие этого парадигмального контекста приводит к необходимости приходить к истине или к замыслу через варианты сценариев, которых сейчас крайне много о современном развитии будущего мира. Думается, принятие решения странами, ставшие с 1 мая 2004 г. членами Евросоюза, представлялось для этих стран на явленческом, экзотерическом знании. Последствия такого гносеологического обоснования и поведения еще себя проявят.

Ситуация усугубляется тем, что разные страны по-разному строят свои образовательные программы. Естественно, от этого зависят научно-аналитические возможности стран. Но уже сегодня очевидно, что каждому предлагают заниматься своим делом: кому пахать, кому строить, а кому управлять и выступать с инициативами по обоснованию мирового и национальных порядков. Четко выстраивается картина

управляемых и управляющих, имеющих особые функции и полномочия. Речь идет о властной ренте, которая связана с выполнением функций управления.

В принципе разделение труда сделало определенный успех, даже если принимать во внимание возникших по образному выражению П. Друкера «специализированных идиотов». Суть проблемы в том, что через образовательный процесс закладываются основы для усиления и информационного, и экономического, и политического, и социального неравенства или, иначе говоря, эксплуатации в широком смысле слова. Мифы всегда воспринимаются учениками, студентами, обывателями легче, чем истина, к «добыче» которой необходимо приложить квалифицированное напряжение ума и сил.

Информация, компьютерные технологии и соответствующие связи, кроме всего прочего, значительно *расширили экономическое поле*, на котором производится добавленная стоимость, потребительная стоимость которой ориентирована на удовлетворение нравственно-социальных и психологических ценностей. Сегодня в развитых странах информационная сфера деятельности обеспечивает около 75 % добавленной стоимости. И здесь уже обнаружилось острое противоречие между удовлетворением *инстинктов, дающих сверхприбыли*, и формированием, сохранением *основ* человеческого существования мира третьего тысячелетия. Парадокс очевиден: экономика в аристотелевском понимании породила *антиэкономику*, направленную против человека и его социально-культурной основы. Кто победит? Наш ответ пессимистичен хотя бы по той причине, что мировую экономическую политику делают люди, извлекающие глобальную ренту в прямой и косвенной форме. Ее размеры уже превышают размеры монопольной прибыли, о которой когда-то критически говорили экономисты, позволяющие разделить и построить мир в зависимости от аккумулированного мирового национального богатства. Есть постиндустриальный коммунизм, «работающий» по абсолютно другим политико-экономическим принципам и законам, если использовать традиционную терминологию, капиталистический рынок с известными понятиями, описываемыми неоклассиками, а есть феодально-патриархальная система или периферийный капитализм. Каждый из этих подмиров извлекает свои доходы, которые позволяет сегодня сделать установленная институциональная система.

Глобализация, теория и экономическое поведение

Экономическая наука в настоящее время является по существу самым мощным институтом, *закладывающая основные правила игры – способ мышления*. Поэтому теоретическое осмысление данного процесса в настоящее время имеет значение, аналогичное критическим вехам в эволюции экономической науки. Решается вопрос выбора стратегии развития мир-системы, ее составных элементов, стран, поведения отдельных индивидов. Однако, можно сказать, что идет лишь критическое накопление подходов, идей, информации по исследованию процесса и сложного явления глобализации. Как всегда общественное сознание оказалось более консервативно, чем динамичная хозяйственная практика. Что же касается мейнстрима науки, то эта ветвь или делает вид, что ничего не происходит, или же действительно заблуждается в своих маргинальных величинах, построенных на таком эфире, как полезность.

Таким образом, ситуация усугубляется тем, что часть экономической науки, основываясь на философии позитивизма имела хорошие познавательные преимущества для решения частных прикладных задач функционального толка. Эзотерическое же значение оказалось невостребованным, а в силу этого и других методолого-категориальных проблем пассивным, незрелым и не инструментальным. Эзотерия кроме всего прочего не находила поддержки ни в среде элиты, ни в широкой общественной массе. Одна из причин заключается в том, что сущностное эзотерическое знание не всегда является выгодным и уместным с точки зрения господствующей идеологии. Надо

отметить, что это в полной мере относится как к Западу, т.е. системе капитала, так и к Востоку, т.е. к бывшей системе социализма.

Есть еще одна сторона этого вопроса. В неявном виде к системному, внутренне целостному, развивающемуся и полному знанию правящие элиты стремились всегда. Но это было всегда определенное таинство и поэтому оно существовало в расчлененном виде. Предполагалось, что потребитель этой информации составит некий целостный образ по своему усмотрению и здравому смыслу. Опуская многие гносеологические аспекты данного способа получения знания, отметим, что его следствием явился не только «дефект знания» [3] подобно дефекту массы в физике, но и смысловая неопределенность получаемой информации. Применительно к глобализации обнаруживается еще один парадокс. Мир-экономика, определяемая как целостная реальность, не имеет адекватного целостного теоретического отражения даже в самой общей конструкции. Каждая дополнительная информация, предлагаемая той или иной отраслью гуманитарного знания, не занимает свою гносеологическую нишу, а наслаивается в определенном хаосе без смысла. Но, во-первых, эту информацию нельзя ни доказать, ни опровергнуть. Во-вторых, нет законченности этой процедуры накопления информации. В-третьих, в формирующейся теории геоэкономики не просматривается парадигмального ядра, которое бы сконцентрировало исследовательскую процедуру на получении системного и органически целостного знания. Скорее всего, данный этап интенсивного накопления информации о глобализации является периодом выработки парадигмы предмета геоэкономики, имеющей шанс получить и другое название науки. Пока же, на наш взгляд, распространяющийся материал по глобализации при всей своей оригинальности, некоторым очень глубоким оценкам находится между мифами и реальностью. Конечно, без мифа нет науки. Но наука все-таки предполагает решение каких-то практических задач или же обеспечивает повышение образованности населения, политиков. Следовательно, поиск истины по закономерностям, направлению, проявлениям и пр. сторонам глобализации должен быть, несомненно, продолжен. Выработка парадигмальной основы здесь является определяющим условием, поскольку в условиях хаотического эмпиризма значимость теоретического знания возрастает.

Литература

1. Лемещенко П.С. Глобализация: между мифами и реальностью // *Философия хозяйства*. 2004. № 3.
2. *Маслоу А.* Новые рубежи человеческой природы. М., 1999.
3. *Кейнс Дж. М.* Общая теория занятости, процента и денег. М., 1978.
4. *Лемещенко П.С.* Теоретическая экономика: структура, классические традиции, новые тенденции. Мн., 2001.

Петр Сергеевич Лемещенко, доктор экономических наук, заведующий кафедрой теоретической и институциональной экономики Белгосуниверситета, г. Минск.

Тел.: сл. 222 35 93, 222 36 01; дом т/факс 231 96 64.